

ОБОСНОВАНИЕ СИСТЕМЫ КРИТЕРИЕВ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ОПРЕДЕЛЕНИЮ УРОВНЕЙ СФОРМИРОВАННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ

Проведенный нами анализ точек зрения философов, социологов и психологов на проблемы ценностей и ценностных ориентаций показал, что среди исследователей данной проблематики есть определенная готовность рассматривать ценностное отношение личности к действительности, т. е. ценностные ориентации людей, как некий высший уровень в иерархии человеческих побуждений, потребностей, интересов. Это значит, что человек в своей жизнедеятельности опирается на различные установки, высшими из которых являются ценности, или ценностные ориентации.

Наглядную схему перехода у человека от низших установок к высшим (ценностным ориентациям) дает, например, В.А. Ядов (см. таблицу 1).

Он считает, что у человека существует иерархия потребностей, которой соответствует иерархия ситуаций, закрепляющая (при встречах данной потребности со «своей» ситуацией) иерархию потребностей в иерархии соответствующих установок, а те в свою очередь выливаются в иерархию соответствующего поведения. Так, уровень низших (витальных) потребностей вырабатывает в простых предметных ситуациях установки и поведенческие акты, которые трудно назвать социальными. Более высокий уровень потребности общаться с себе подобными заставляет человека руководствоваться различными групповыми установками, и это уже уровень хотя и примитивных, но социальных установок и поведения. Следующий, выделяемый В.А. Ядовым, уровень потребностей – потребность участвовать в определенной сфере деятельности вырабатывает базовые социальные установки. И

только высший уровень потребностей, связанных у человека с сознанием себя принадлежащим не группе и не определенной деятельностной сфере, а в целом обществу, культуре, человечеству, формирует у индивида вершину установочной иерархии – ценностные ориентации – и соответствующее (ценностное) поведение.

Характерно, что В.А. Ядов, называя высшие установки ценностными ориентациями, терминологически и, значит, качественно отделяет эти высшие установки от всех прочих установочных уровней, а сама градация выглядит так: от фиксированных установок («витальных» и групповых) через базовые социальные установки к ценностным ориентациям. Термин «фиксированные установки» многое проясняет: иерархия В.А. Ядова – это переход от «фиксированных» к нефиксированным установкам, и если степень «фиксированности» установки понимать как степень приближения ее к норме (когда установка индивиду в большей или меньшей степени навязывается, а не свободно, от-

Таблица 1.

Уровни	Иерархия потребностей	Иерархия ситуаций	Иерархия диспозиций	Форма выражения
1.	витальные потребности	предметные ситуации	фиксированные установки (Set)	поведенческие акты
2.	потребность в общении, осуществляемая в малой группе	ситуация группового общения	социальные фиксированные установки	поступки
3.	потребность в активности в определенной сфере деятельности	условия в различных сферах деятельности	общая направленность интересов относительно конкретной сферы социальной активности или базовые социальные установки	поведение
4.	потребность включения в целостную социальную систему	общие социальные условия жизнедеятельности: экономико-политические особенности образа жизни	ценностные ориентации личности	целостность поведения в различных сферах

ответственно им принимается), то В.А. Ядов определенно рассматривает ценностные ориентации как установку индивидов на оспаривание, критику «фиксированных установок», т. е. на свободный, ответственный выбор более широких, более включительных, интегративных, чем любые «фиксированные» и даже базовые социальные установки, ориентиров и идеалов.

И эта логика ядовской схемы подсказывает, что, в отличие от фиксированных установок, базовые социальные установки реально вырабатываются далеко не у каждого, не говоря уже о ценностных ориентациях. Можно сказать и так, что ценностные ориентации – это то, что должно быть у человека в идеале, однако реально для всех людей существуют лишь фиксированные установки, в то время как ценностные ориентации являются делом если и не единиц, то, во всяком случае, не всех.

Поэтому-то и актуальна проблема выявления у людей ценностных ориентаций именно как психолого-педагогическая проблема: не столь уж актуально определить у человека наличие фиксированных установок, поскольку они складываются в принципе помимо сознательного выбора личности, т. е. в принципе помимо направленного педагогического влияния, но очень важна сама статистика лиц, и именно подростков, с ценностными ориентациями, возникающими не спонтанно, а в результате правильного (должного) социального развития ребенка, т. е. в результате правильного воспитания личности, когда она обретает принципиальную способность сознавать себя частицей в целом общества, культуры, человечества, способность вообще опираться на идеалы.

Поэтому-то и является крайне актуальной психолого-педагогическая задача определения тех критериев и показателей, словом, тех индикаторов, по которым и можно выявить наличие у подростка ценностного сознания, ценностных ориентаций, ценностного поведения, определить, значительно ли число таких подростков, скажем, в сегодняшней России (или в каком-то ее репрезентативном регионе), и если это число значительно, то прогноз для общества благоприятен, если же нет, то – неблагоприятен.

Хотелось бы отметить, что в отечественной психолого-педагогической литературе не делается специального акцента на том, что обладание индивидом ценностным сознанием (ценностными ориентациями, ценностным поведением) – уже огромное воспитательное достижение общества, где таких индивидов много. Как правило, подобное понимание может лишь подразумеваться, «вы-

водиться за скобки» (как оно подразумевается, например, в схеме В.А. Ядова), а явно проблема ценностных ориентаций ставится и решается так, что феномен ценностного сознания рассматривается какой-то нейтральной данностью, чем-то само собой разумеющимся, и первостепенное значение приобретают именно типологические особенности ценностных ориентаций и чисто «технические» механизмы их формирования. Нам представляется подобное «выведение за скобки» (хотя зачастую и подразумеваемой) идеи воспитания ценностного сознания как важнейшей самостоятельной психолого-педагогической проблемы определенным упущением.

Но как бы то ни было, в отечественной психолого-педагогической литературе весьма важная проблема индикации ценностных ориентаций интенсивно разрабатывается. И основным здесь является представление о формировании ценностных ориентаций как «интернализации» индивидами различных «социальных значений» (социальных установок разного уровня).

Так, согласно Б.Д. Парыгину, существует четыре индикатора, или четыре последовательных стадии, в присвоении индивидом социальных значений:

(1) знание, когда индивид информируется о социальных значениях (социальных ценностях);

(2) стереотип восприятия, когда индивид эмоционально-рационально (положительно или отрицательно) реагирует на информацию о социальных значениях;

(3) установка (или убеждение), когда социальные значения формируют у индивида готовность действовать;

(4) побуждение, когда у индивида, благодаря волевому усилию, готовность действовать превращается в само действие.

Иначе говоря, по Б.Д. Парыгину, можно утверждать об индивиде, что он вообще обладает ценностными ориентациями, если только у него обнаруживается весь набор перечисленных индикаторов: если же какой-то из индикаторов не обнаруживается (допустим, есть «знание», но нет «установки» и т. д.), то у индивида отсутствует ценностное сознание. Тем самым Б.Д. Парыгин «явочным порядком», не особенно акцентируя, как бы признает очень важную вещь: ценностные ориентации – не данность, индивид может их и не иметь.

Подобным образом и у других отечественных ученых неакцентированно присутствует эта весьма важная идея. Например, А.В. Иващенко в области школьной педагогики в сущности переключает

ется с Б.Д. Парыгиным, когда указывает на три индикатора, или критерия, по совокупности которых можно судить не только о наличии у школьника (старшеклассника) как таковых ценностных ориентаций (у А.В. Иващенко – нравственной позиции), но и о степени их сформированности. Это – интеллектуальный, поведенческий и мотивационный критерии.

По описанию у А.В. Иващенко этих критериев нетрудно заметить, что интеллектуальный критерий совпадает со «знанием» Б.Д. Парыгина, поведенческий критерий объединяет парыгинские «установку» и «побуждение», а мотивационный критерий – парыгинский «стереотип восприятия». Схожая картина у В.А. Армавичуте, которая говорит, подобно А.В. Иващенко, не вообще о ценностных ориентациях, а о нравственных позициях, называя критериями их сформированности (критериями степени интернализации личностью нравственных ценностей), во-первых, объем, глубину и действенность знаний о нравственных ценностях, во-вторых, правомерность и обоснованность отношения к ним, в-третьих, характер эмоциональных переживаний, связанных с нравственными ценностями, в-четвертых, интенсивность нравственно-волевых устремлений и, в-пятых, устойчивость нравственных поступков и их мотивов.

Наконец, И.А. Сурина в структуре ценностных ориентаций выделяет три подсистемы – когнитивную, эмотивную и поведенческую, – с помощью которых, причем опять-таки только в их совокупности, и можно, как она полагает, зафиксировать и

определить в эмпирическом исследовании ценностные ориентации. В перечне И.А. Суриной обращает на себя внимание эмотивная подсистема (аналог мотивационного критерия у А.В. Иващенко, «стереотипа восприятия» у Б.Д. Парыгина): на наш взгляд, именно этот индикатор (или критерий) – ключевой в формировании у индивида ценностного сознания (ценностных ориентаций, ценностного поведения), т. е. формирования у него определенной «глубины» восприятия мира, что и связано с принципиально «ценностным» навыком – опираться не на «фиксированные установки», а на идеалы.

Главное же – упомянутые исследователи единодушны в своей совокупности способны указать на наличие ценностных ориентаций. И это означает, что ученые, пусть даже и без специального акцента, все-таки склонны рассматривать проблему формирования как такового ценностного сознания (неважно, на какие конкретные ценности такое сознание опирается в качестве актуальной самостоятельной психолого-педагогической проблемы, подразумевая, что сформированность как такового ценностного сознания – это уже благо).

В работе А.В. Иващенко и Н.В. Фроловой сделана попытка выработать некую обобщенную модель такого подхода к ценностным ориентациям, интегрировать во многом очень схожие друг с другом схемы. Авторы приходят к выводу, что сформированность ценностной ориентации (у них – нравственной позиции личности) является основой выделения четырех блоков критериев: (1) интеллекту-

Таблица 2. Сравнительная схема критериев и показателей уровней сформированности ценностных ориентаций

Критерии и показатели (ценностных ориентаций)		
Парыгин Б.Д.	Иващенко А.В.	Зубова Л.В.
Интеллектуальный критерий		1 блок
Знание, когда индивид информируется о социальных значениях (социальных ценностях)	Знания, познавательные интересы	Знание, информация о ценностях
Мировоззренческий критерий		2 блок
Стереотип восприятия, когда индивид эмоционально-рационально (положительно-отрицательно) реагирует на информацию о социальных значениях; установка или убеждение, когда социальные значения формируют у индивида готовность действовать.	Мировоззренческие установки. Проявление разумных потребностей.	Реакция на информацию (положительно - отрицательно). Мировоззренческие установки.
Мотивационно - поведенческий критерий		3 блок
Побуждения, когда у индивида, благодаря волевому усилию готовность действовать превращается в само действие.	Трудовая активность. Общественно-политическая активность. Готовность участвовать в общественно-полезных делах.	Социальная активность личности.

альный; (3) поведенческий; (2) мотивационный; (4) оценочно-эмоциональный. Более того, авторы, исходя из этой своей интегративной модели, сумели прогностически описать группы подростков (у них – учащихся), отвечающие разным уровням сформированности ценностных ориентаций (у них – разным уровням освоения нравственных ценностей). Так, они различают: (1) уровень, приближающийся к идеальному, (2) достаточный уровень, (3) тревожный уровень; (4) критический уровень.

И это начинание крайне важно и плодотворно: подобное структурирование ценностных ориентаций (нравственных позиций в частности) по критериям, показателям и уровням позволяет, как мы только что видели, прогнозировать соответствующую типологию (здесь прекрасная аналогия – периодическая система Д.И. Менделеева). А обретение знанием прогностической функции и есть наивысший показатель научности любой области знания, в том числе и педагогической области, где способность опережать особенно важна.

Ценностные ориентации должны измеряться, диагностироваться – только тогда и можно будет не просто ставить данную психолого-педагогическую проблему, но и видеть ее решение для конкретного социума. И тут возникает вопрос, как измерять, диагностировать ценностные ориентации.

Ценностные ориентации мы всегда будем диагностировать не каковы они «сами по себе», но именно наше о них представление, подбирая под это представление соответствующую методику диагностирования, подбирая «как» под «что». И это четко демонстрирует анализ всех известных методик изучения ценностных ориентаций, показывающий, что та или иная методика «обслуживает» соответствующую теорию ценностных ориентаций.

Скажем, Э. Шпрангер определяет ценностные ориентации как типы познавательных ориентаций человека, которых он насчитывает шесть, выделяя соответствующие личностные типы: (1) теоретического человека; (4) социального человека; (2) экономического человека; (5) политического человека; (3) эстетического человека; (6) религиозного человека. И уже на основе характеристик этих личностных типов он предлагает респондентам шесть групп ценностей (теоретические, экономические, эстетические, социальные, политические и религиозные ценности) для определения индивидуальных ценностных ориентаций по обнаружению респондентом здесь своих предпочтений, скажем, респондент так проранжирует предлагаемые ему перечни, что окажется эстетическим, либо теоретическим и т. д. человеком.

Нетрудно увидеть, что по Э. Шпрангеру вывод о ценностных ориентациях индивида делается в условиях самим же исследователем диктуемого жесткого выбора для респондента: респондент заранее должен согласиться, что он в своих ценностных ориентациях – какой-то один из шести личностных типов. И если выяснится, что в результате такого тестирования респондент окажется скорее социальным, нежели политическим и т. д. человеком, то его приверженность в первую очередь так называемым «социальным» ценностям (по конкретному списку Э. Шпрангера) едва ли позволит назвать данного респондента неэстетическим, неполитическим и т. д. человеком в каком-то глубоком смысле слова, точнее, так же, как и, скажем, теоретического человека – асоциальной, аэстетической и т. д. личностью.

Иначе говоря, в рамках шпрангерской теории ценностных ориентаций соответствующая методика их диагностирования не способна выявить подлинные ценностные ориентации именно из-за специфики их понимания Э. Шпрангером. Именно из-за того, что он отождествляет ценностные ориентации с приверженностью респондентов к конкретному списку ценностей, не интересуясь смыслом, какой сами респонденты придают выбранным ими ценностям. Например, респондент может выбрать такую «социальную» ценность, как «любовь к людям», и оказаться по тесту Э. Шпрангера «социальным человеком», однако его «любовь к людям» способна скрывать цели и интересы, объективно сопряженные с вредом для людей.

Подобно Э. Шпрангеру, М. Рокич считает, что ценностные ориентации – это не что иное, как приверженность людей впо лне конкретным ценностям, среди которых, по мнению М. Рокича, и следует различать ценности терминальные (ценности – цели) и ценности инструментальные (ценности – средства). Вот он и предлагает респондентам два конкретных списка ценностей (терминальных и инструментальных), призывая опрашиваемых каждую ценность из обоих списков ранжировать и так определить ценностные ориентации респондентов.

И здесь вновь мы видим, что определенная теория ценностных ориентаций побуждает исследователя диагностировать у респондентов в сущности не их ценностные ориентации, а только их отношение к предлагаемым спискам ценностей. Что же стоит у респондента за этим отношением – никак не рассматривается, т. е. не рассматриваются его ориентации в глубоком, не поверхностном смысле, именно как мотивы личностного поведения.

В подавляющем большинстве существующих методик измерения ценностных ориентаций заложено само понимание ценностных ориентаций, что заранее ограничивает мир этих ориентаций указанием определенных ценностных объективов, относительно которых респонденту и предлагается проявить себя. В результате респондент так или иначе ангажирован указанными ему ценностными объектами, проявляя не столько свои ценностные ориентации, сколько свое отношение к этим объектам, скажем, как в методе кумулятивного шкалирования Л. Гуттмана, где испытуемый должен «угадать» некую характеристику в различных ее, более «слабых» и более «сильных», проявлениях, подтвердив тем самым определенную свою ориентированность, или методе социальной дистанции Э. Богардуса, где применяется приблизительно та же технология, что и у Л. Гуттмана.

Нас не удовлетворяет сама заложенная в них теория ценностных ориентаций, согласно которой ценностные ориентации это отношение людей к указываемым им (экспертами) тем или иным ценностным объектам.

Нам же представляется, что подобная редукция ценностных ориентаций хотя и дает безусловный выигрыш в точности их измерения, но в силу самого факта в известной степени подменяет их, ангажирует респондентов, подсказывая им, что именно от них ждут. Поэтому скорее мы отдаем предпочтение «устаревшему» биографическому методу фиксации ценностных ориентаций, применявшемуся в социологии начала XX в. У. Томасом и Ф. Знанецким (Чикагская социологическая школа), позже развитому А. Маслоу, В. Франклом, К. Роджерсом, Г. Олпортом, Ш. Бюхлером и другими и заключающемуся в очень косвенном выяснении (чтобы получить минимально искаженную картину) личных ценностей респондентов через изучение их переписки, дневников, автобиографий.

И очень показательно, что биографический метод, вытесненный в свое время из-за присущей ему «герменевтичности» методиками, которые приблизили социологию к точным, математизированным наукам, ныне начинает заявлять о себе как в отечественных, так и зарубежных исследованиях в виде аксиобиографической методике, или «глубинного интервью», когда у респондентов с помощью продуманной системы «отвлеченных» вопросов выясняют их «жизненные ценности», тем самым (благодаря такой вопросной системе), минимально ангажируя их в обнаружении своих ценностных ориентаций.

Неслучайно недостатком этого метода называют его трудоемкость. Действительно, одно дело, когда респонденту предъявляются готовые ценностные объекты и нужно лишь зафиксировать его реакцию, но совсем другое, когда исследователь сам в ходе «интервью» создает ситуацию, вынуждающую респондента к аксиологически значимым ответам. Ясно, что исследователь, применяющий аксиобиографический метод, обязан быть очень внимательным к тому, кого «интервьюирует», – здесь исключен стандартизированный подход к опрашиваемым, обусловленный опорой исследователя на некий готовый набор ценностных объектов. И потому вполне логично, по замечанию И.А. Суриной, что «аксиобиографическая методика применяется на малых выборках, а только потом «прогоняется» на репрезентативных выборках любого размера».

Принципы аксиобиографической методике диагностирования ценностных ориентаций представляются нам перспективными из-за теории ценностных ориентаций, которая лежит в основании этой методике. Данная теория рассматривает ценностные ориентации приблизительно так, как это подразумевается у В.А. Ядова и как об этом прямо утверждал Э. Фромм. А именно: если «фиксированные установки» (В.А. Ядов) или «авторитарная совесть» (Э.Фромм) – обязательная принадлежность личности (пусть даже в виде психологического пласта, «снятого» психологическим пластом более высокого уровня), то «ценностные ориентации» (В.А. Ядов) или «гуманистическая совесть» (Э. Фромм), выступая как раз личностным психологическим пластом высшего уровня, вырабатываются только у тех индивидов, у которых воспитана способность мыслить самыми широкими категориями (я – социальное существо, человек, хотя и завишу повседневно от очень конкретных обстоятельств и групповых норм).

Иначе говоря, согласно этой теории, мы должны для диагностирования ценностных ориентаций применить такую методику, которая бы фиксировала прежде всего не их содержание, а само их наличие и степень их выраженности, т. е. мы должны выяснить у респондентов, представляют ли они в принципе и насколько представляют ценностный тип личности, тип, в жизнедеятельности которого верховную мотивирующую роль играют не «фиксированные установки», а идеалы, способные формироваться только свободным, самостоятельным, «широким», «выбирающим» сознанием. Тем самым такая теория ценностных ориентаций отвергает методику их изучения, когда респондентам навязыва-

ют какие-либо готовые ценностные объекты – подобная методика не проявит как таковой ценностный личностный тип, ибо респондентов как этого, так и иного (неценностного) типа будет неразличимо объединять один и тот же набор ценностных объектов, все они будут поэтому заведомо «ценностными существами». И правильной методикой здесь был бы принцип «глубинного интервью».

Именно на принципах «глубинного интервью» (или аксиобиографического метода) и разработана нами диагностическая программа в отношении ценностных ориентаций подростков г. Оренбурга в рамках изучения у этих подростков становления ценностного сознания – это и есть сознательное его отношение к миру в целом, к себе в мире, другим людям, т. е. диагностика таких вещей призвана выявить у индивида его аксиологические взгляды, не навязывая ему никаких готовых ценностных объектов и, значит, преимущество здесь, скажем, в сравнении с аксиологическим диагностированием по М. Рокичу, в том, что мы способны вы-

явить как таковой ценностный личностный тип, различную его выраженность, отграничить его от неценностного типа и тем самым разделить респондентов на две группы. А такое разделение очень важно – например, по Э. Фромму, люди со слабо выраженным ценностным сознанием, т. е. те, у кого доминирующими мотивационными факторами выступают, как сказал бы В.А. Ядов, не ценностные ориентации, а фиксированные установки, составляют в обществе потенциально асоциальную группу, хотя бы уже потому, что «фиксированные установки» препятствуют выходу сознания за пределы групповой морали (какой, к примеру, может выступать мораль банды и т. д.).

На основах глубинного интервью строится наша исследовательская деятельность, которая подтверждается валидностью и достоверностью нашей диагностической программы, которая будет осуществляться на протяжении двух последующих лет с участием 1500 респондентов и группы психологов-диагностов.

Список использованной литературы:

1. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. – М., 1980. 334 с.
2. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни М. Мысль, 1991., 299 с.
3. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
4. Армавичуте В.Г. Нравственное воспитание учащихся средних учебных заведений. Учебное пособие. Вильнюс, 1989. 89 с.
5. Бакиров В.С. Ценностное сознание и активизация человеческого фактора. Харьков 1988.
6. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Пер. с англ. М. 1986.
7. Бечки Ш. Молодежь и помощь несовершеннолетним в США. – М., 1991.
8. Богомолов А.С. Определенность, ценности и социологическое познание // Социологические исследования. 1975, N2.
9. Вардомацкий А.П. Аксиобиографическая методика // Социологические исследования. – 1991 – N 7 С.80-84.
10. Виллюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. – М 1990.
11. Грановская Р.М. Элементы практической психологии. – Л: ЛГУ, 1988.
12. Деркач А.А., Селезнева Е.В. Идеологическое воздействие: социально-психологические и педагогические аспекты. – М. Политиздат, 1985., 310 с.
13. Зейгарник Б.В. Теории личности в зарубежной психологии. – М., 1982.
14. Иващенко А.В. Нравственное воспитание старшеклассников. – Минск, 1974. – 104 с.
15. Иващенко А.В. Идеино-нравственное воспитание старших школьников: Кн. для учителя. – 2-е изд., и перераб. – М., 1987. – 208 с.
16. Иващенко А.В., Савкина Г.П. Нравственные ценности и особенности их освоения подростками. Учебно-методическое пособие. – М., 1993. – 122 с.
17. Иващенко А.В., Фролова Н.В. Нравственные ценности и особенности их освоения школьной молодежью в современных условиях. – М., 1996. – 158 с.
18. Иващенко А.В., Агапов В.С., Барышникова И.В. Методики изучения Я-концепции личности. – М., 2000. – 265 с.
19. Кирьякова А.В. Ориентация школьников на социально значимые ценности (Теория и диагностика). Л. 1991.
20. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. – М., 1974.
21. Психологические особенности самостоятельных подростков юношеских групп / Под ред. Д.И. Фельдштейна. – М., 1990. – 159 с.
22. Сурина И.А. Ценностные ориентации как предмет социологического исследования. Учебно-методическое пособие. М., 1996.
23. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975.
24. Ядов В.А., Ядов Н.В. Социальные и индивидуальные факторы изменений в диспозиционной структуре личности // Социологические очерки: Ежегодник. М., 1991.
25. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. – Л., 1979.
26. Rokeach M. Believes, attitudes and values. – S.-Francisco; Washington; London. – 1992.